

ГЛАВА I

КОГДА СМЕРТЬ ВЫПИВАЕТ ВИНО, БОГИ ЗАМОЛКАЮТ

Не зря говорится: «Мудрый человек требует всего только от себя, ничтожный же человек требует всего от других». Си Сяньцзань мог по праву считать себя мудрым человеком — настолько высоких требований, что предъявлял он сам к себе, к нему не предъявлял никто. Ни покойный отец, с болезнью которого на семнадцатилетнего Сяньцзаня свалилось управление семейным делом; ни покойная же мать — от нее тогда совсем еще юноша постоянно получал лишь любовь и заботу; ни младшие братья, которым он заменил отца; ни старший брат. Впрочем, Шоуцзю утратил всякое право что-то требовать от него, когда покинул дом, следуя за призрачной мечтой стать заклинателем.

Нет, Сяньцзань уже не злился на него: глупо изводить себя обидой столько лет, да и не вытравить из души и сердца братскую привязанность к тому, с кем когда-то разделял и игры, и стремления. Однако он солгал бы, сказав, что никогда не хотел упрекнуть брата при встрече, ударить словами побольнее, закричать, чтобы передать все то, через что ему пришлось пройти без его поддержки, которой он так желал и на которую так рассчитывал. Спросить, зачем тот ушел, зачем бросил семью и его, Сяньцзаня. Сказать, что он не заслужил разбираться со всем в одиночку и никогда не должен был нести на спине этот закопченный котел*.

* Крылатое выражение-чэньюй: нести ответственность, о которой не просил; быть козлом отпущения.

Но это осталось в прошлом. С возрастом Сяньцзань научился если не контролировать свои эмоции, то подавлять их; понимал он к тому же, что и Шоуцзю пришлось несладко: непросто выбирать между мечтой и семьей, непросто жертвовать одним ради другого. Потому он и старался сдерживать свою злость и обиду, пытаясь хоть ненадолго подарить брату — любимому, несмотря ни на что — ощущение дома во время их редких встреч; показать, что своя комната, теплое одеяло и горячий чай всегда будут ждать его в доме Си. Что бы ни случилось.

И все же Сяньцзань, с юных лет взявший на себя слишком большую ответственность, не мог не терзаться мыслями, что где-то не уследил, чего-то вовремя не сделал, не сказал... Не смог что-то предотвратить или изменить. Пусть и выбор Шоуцзю — его и только его; пусть и в лавке дела идут хорошо: на днях как раз поступил большой заказ на пять свертков шелка и несколько отрезков ярко окрашенных хлопковых тканей от градоначальника на свадьбу единственной дочери; пусть и младшие братья давно пристроены и живут своей жизнью... Это чувство никогда не покидало торговца до конца, неотступно следуя за ним черной тенью.

Впрочем, Сяньцзань, привыкший все брать в свои руки, не сдавался этой тени без боя и позволял себе заслуженный отдых — когда голос разума подсказывал, что мир точно не рухнет за половину ши* бездействия. Вот и сейчас, оставив позади длинный трудовой день, он решил дать себе немного расслабиться за чашечкой травяного отвара.

На этот раз, однако, расслабиться не получалось. Пометавшись по комнате какое-то время, Сяньцзань все же заставил себя усилием воли примоститься у низкого столика и налить в пиалу успокаивающего настоя; но едва лишь он успел вдохнуть изысканный аромат, как снаружи раздались громкие голоса, кто-то невнятно вскрикнул, и в дверь судорожно застучали.

— Господин Си! Господин Си!

Сяньцзань чуть не выронил свою пиалу.

— В чем дело?

* То есть примерно за час. Каждый ши составлял $\frac{1}{12}$ времени суток, то есть удвоенный современный час (120 минут).

— Господин Си, прибыл молодой господин Си!

— Что? Насколько молодой господин Си? Ючжэнь здесь? Да открой ты уже дверь!

— Как прикажете, господин!

Едва дверь распахнулась, в комнату, практически отпихнув слугу, ворвался молодой человек в светло-зеленом ханьфу и черной шапке-мао*. Он раскраснелся и тяжело дышал.

— Диди**?! — Сяньцзань порывисто поднялся с места. — Что ты здесь делаешь? Твои выходные в этом месяце уже закончились, ты должен быть на службе!

— Эргэ*** ... — Обычно спокойного и доброжелательного Иши ошутимо трясло — с заметным трудом он взял себя в руки и, пройдя к столу, без сил опустился на подушку. — Господин Цао не знает, что я здесь, но не волнуйся, эргэ, он благоволит мне... Я успею вернуться до исхода ши Крысы****.

— За тобой будто стая цзянши***** гналась, диди. — Сяньцзань налил еще пиалу и пододвинул брату. — Вот, успокойся и расскажи все как есть.

— Эргэ... — Даже не притронувшись к отвару, Иши поднял на брата совершенно больные глаза. — Дагэ***** ... Он мертв.

— Что? — Все звуки словно отодвинулись, стали далекими-далекими. Сяньцзань ощутил, как горло будто сдавило железной рукой. — Что ты сказал?

— Дагэ мертв, — повторил Иши и разрыдался как ребенок.

Аромат трав теперь отчетливо отдавал горечью и пеплом.

Безотчетно поглаживая по голове уткнувшегося ему в колени Иши — тот уже не рыдал, а только всхлипывал, — Сяньцзань пытался отыскать

* Часть традиционной одежды чиновника.

** Обращение старшего брата к младшему.

*** Обращение младшего брата ко второму по старшинству старшему брату.

**** Все ши в сутках названы в честь двенадцати зодиакальных животных. Крыса — первый ши, время с 23:00 до 01:00.

***** Оживших мертвецов.

***** Обращение младшего брата к самому старшему брату.

у себя хоть одну внятную мысль — и не мог. Все заслоняло ощущение того, что его диди сейчас плохо — его А-Ши*, которому он собственноручно расчесал и заколол волосы в день совершеннолетия, которого отпаивал укрепляющими и успокаивающими отварами накануне сдачи очередного экзамена на государственную службу, которого утешал после смерти родителей... И вот брату снова нужна его помощь — в отличие от другого, которому, кажется, уже ничего никогда не понадобится. А ему самому... О себе Сяньцзань подумает потом — как делал всегда. Ничего не изменилось.

Мелькнула глухая короткая мысль: возможно, только эта вынужденная привычка заботиться о ком-то наперед себя и спасала его все эти годы от тоски, боли, злости, просто не оставляя для них времени и сил.

Наконец Иши успокоился, отстранился неловко и смущенно, сел прямо, приглаживая растрепавшиеся волосы и поправляя шапку.

— Как ты так быстро добрался сюда из столицы? — спросил Сяньцзань, давая брату время прийти в себя.

— Хань Шэнли помог, донес на мече, — отозвался Иши. — Он хороший человек, талантливый заклинатель. Обещал меня дождаться и отвезти назад. Эргэ, я распорядился накормить и напоить его, это ничего?

— Пустое, это и твой дом тоже. Всегда был и будет. — Сяньцзань помолчал немного, потом тихо попросил: — Расскажи, что случилось.

Иши вздрогнул, быстро провел ладонью по глазам, глубоко вздохнул и заговорил — собранно, четко, будто докладывал начальству:

— Тело нашла городская стража сегодня утром в Саду Отдохновения, недалеко от городской черты. Мужчина в простой темной одежде, иных примет заклинателя, кроме меча, при нем не обнаружено. Множественные колотые раны, смерть предположительно наступила от потери крови. Тело сразу доставили в ведомство по надзору за заклинателями, где я служу. Господин Цао вызвал меня и еще нескольких

* Приставка «А» в сочетании с последним иероглифом имени означает уменьшительно-ласкательную форму имени — допустимо между близкими родственниками, особенно старших по отношению к младшим.

служащих, включая Хань Шэнли — на этой неделе как раз его очередь дежурить. Младший дознаватель Юнь предположил, что это внутренние разборки кланов. Хань Шэнли возмутился и сказал, что впервые видит этого человека... — Иши запнулся и умоляюще взглянул на старшего брата. — Эргэ, я не понимаю... Хань Шэнли ведь из клана Хань Ин, как он мог сказать такое, ведь дагэ был с ними все это время? Но господин Цао, а он знает многих заклинателей из разных кланов, сказал то же самое! А я... я не рискнул признаться, что это мой брат, ты же понимаешь! Как я мог?!

— Успокойся, А-Ши. Я все понимаю. И давно подозревал к тому же, что с дагэ все не так просто, как кажется... Да, сразу бы он не добился высокого положения в клане, но, милостивый Шуйлун, за столько лет что-то должно было поменяться! Клан Хань Ин не бедствует, заботится и о внешних своих адептах, а дагэ даже ни разу дома в клановых цветах не появился. И сколько бы я ни расспрашивал, он все время отмалчивался и переводил разговор... Наверное, не смог добиться места в клане, вынужден был стать бродячим заклинателем. Боги, какой упрямец! — Сяньцзань стукнул кулаком по столу. — Ну почему, почему ты опять никого не послушал, дагэ?! Я знал, я чувствовал: что-то не так! Но ты же все хотел делать сам, никому не позволял себе помочь!.. Да и что бы я мог?.. — добавил он совсем тихо и продолжил уже громко и деловито: — Что дальше, диди? Что будет с телом? Вы нашли убийцу?

— Мы расследуем это дело, эргэ. Завтра господин Цао отправляет меня и Хань Шэнли во Дворец Дракона, резиденцию главы клана Хань Ин. Попробуем выяснить что-то там. Не знаю, когда смогу вырваться в следующий раз, но обязательно сообщу, как что-то узнаю. — Голос Иши дрогнул: — Эргэ, как же так? Почему в нашу семью снова пришла смерть? Неужели мы чем-то прогневали прекрасную Луань-няо и ее божественных родителей?

— Теперь сложно сказать, диди; как говорится, огонь в бумагу не завернешь. Кто мог удержать дагэ, если этого не удалось сделать никому из нашей семьи? Не будем об этом. Главное — выяснить, кто виновен в его смерти. Буду ждать от тебя вестей. Только береги себя. — Сяньцзань хотел добавить, что покойному уже не поможешь, а терять

еще одного брата он не хотел бы, но так и не смог себя заставить. Губы онемели, язык стал неповоротливым и тяжелым.

— Что мне будет, эргэ? — бледно улыбнулся Иши. — Сегодня мы уже рассчитались со смертью за несчастливое число*. Прости, мне пора.

— Пойдем, я провожу тебя. — Торговец все же не выдержал и обнял брата на пороге. — Да пребудет с тобой благословение всех богов.

— Спасибо, эргэ. Хань Шэнли ждет во дворе, я объяснил ему свою спешку тем, что доверенный слуга прислал мне письмо о твоей внезапной тяжелой болезни. Скажи ему, пожалуйста, что ничего серьезного не произошло и слуга просто преувеличил.

— Не беспокойся, диди. Сделаю так, как попросишь.

Хань Шэнли оказался крепко сбитым молодым человеком в клановом лазурном ханьфу. Завидев братьев, он вскочил, торопливо что-то дожевывая, и поклонился, уважительно сложив руки в качестве приветствия**.

— Господин Си, прошу простить за вторжение! Меня зовут Хань Шэнли. Рад видеть вас в добром здравии! Иши сказал, что с вами приключилась внезапная болезнь... — Он сделал паузу, и Сяньцзань, безошибочно угадав его сомнения, вежливо отмахнулся:

— Хорошая встреча, господин Хань. Это вы меня простите, всего лишь съел несвежую лепешку, а старый слуга уже решил, что я на пути к предкам. Еще и Иши взволновал попусту. Тем не менее благодаря вам я смог увидеться с братом; да благословит вас Лазурный Дракон — с тех пор как саньди*** поступил на службу, наши встречи стали редки.

* Иши говорит о том, что их осталось три брата, ведь число «четыре» для китайцев считается очень несчастливым и по произношению созвучно слову «смерть, умирать». Также это игра слов: «четыре» по-китайски — «си», фамилия братьев — также Си.

** Этикетное китайское приветствие руками, сложенными вместе: ладонью левой руки обнимают кулак правой, руки слегка качаются перед грудью, действие не должно быть слишком сильным, руки не должны подниматься высоко. Женщины делают все наоборот.

*** Обращение старшего к третьему брату, более официальное, чем «диди».

Хань Шэнли расцвел:

— О, вы немало знаете о нашем клане, это честь для меня! Не стоит извиняться, мне полезно тренировать навыки. Премного счастлив нашему знакомству, но мы вынуждены поспешить — уже стемнело, а путь в столицу неблизкий. Си Иши, я с удовольствием дал бы тебе подольше насладиться встречей с господином Си, но...

— Я иду. — Молодой чиновник повернулся к брату: — Жди от меня новостей, эргэ. Да хранят тебя Небеса!

Силуэты двоих на мече уже скрылись в сумраке ночи, а Сяньцзань все стоял, глядя им вслед. Лишь через пару кэ* он медленно вернулся в чайную комнату.

«Видно, зря я просил Лазурного Дракона, покровителя Хань Ин, защитить тебя, — подумал он, прижимаясь лбом к закрытой двери и чувствуя, как по щекам текут так долго сдерживаемые слезы. — Он, поди, и не знал о тебе, дагэ, а может, просто глух к молитвам. Видно, и впрямь в свое время заклинатели тяжело оскорбили Небесных братьев, своих покровителей, раз те оставили их на произвол судьбы. А у меня снова нет права на слезы при всех — только наедине с собой я могу не сдерживаться... Дагэ, как же быстро оказалось выпито твоё вино!** Ты на самом деле ведь оставил меня много лет назад, не сегодня, почему же тогда так больно?..»

Сяньцзань не считал, сколько времени он так простоял; лишь когда в груди перестало жечь, отправился к себе — все слуги уже спали, никто не должен был видеть хозяина таким. Забывшись тревожным сном до рассвета, Сяньцзань в начале ши Дракона*** позвал к себе управляющего лавкой.

— Ма Фань, я уеду на три дня. Все должно идти как обычно. На сегодня была назначена встреча с госпожой Лю; скажи ей, что мы готовы поручить ей и ее девушкам вышивку серебряной нитью для госпожи Ло Айминь, сестры градоначальника. Я видел работы ее мастерской,

* Кэ — около 15 минут.

** Игра слов: Сяньцзань намекает на значение имени Шоуцзю, которое состоит из двух иероглифов — «долгоживущий» и «вино».

*** Время с 7:00 до 9:00.

все будет достойно. Также не забудь отправить посыльного к дядюшке Ши, к сегодняшнему дню уже должны быть окрашены в цвет магнолии семь отрезов хлопковой ткани. Это заказ для клана Хань Ин, без меня не отсылать, я вернусь и сам займусь этим.

— Будет исполнено, господин! — почтительно поклонился управляющий. Другой бы на его месте не удержался и принялся расспрашивать, куда и зачем собрался хозяин, но Сяньцзань, сам не слишком разговорчивый, и помощников подбирал себе под стать. При необходимости лавку можно было спокойно оставить на Ма Фаня хоть на пару месяцев.

Отпустив помощника и дав всем слугам выходной на три дня, Сяньцзань оделся как можно проще, захватил соломенную шляпу и, тщательно заперев дом, отправился к западным воротам. За ними лежала дорога, ведущая к Тяньбаожэнь, монастырю Небесных покровителей, где уже несколько лет обучался целительству Ючжэнь, самый младший брат Си. Торговец хотел сам рассказать ему о смерти Шоуцзю да и — что греха таить — надеялся, что при встрече, глядя в чистые глаза брата, радуясь его светлому лицу, сможет хоть немного примириться с обрушившимся горем.

Священные рощи Тяньбаожэнь, по слухам, способны исцелить любую скорбь.

* * *

«В дни владычества Небесных покровителей были поделены все произрастающие на земле Жэньсяньго травы на шесть видов. С древности людям лучше всего известны пять из них: цзюнь, что способны вылечить любую болезнь, если целитель опытный и своевременно различит ее; чэнь — растения среднего сорта, применяемые при выздоровлении и для предупреждения болезней; цзоши — растения низшего сорта, требуемые лишь в небольших количествах как составные части сложных лекарств; ибаньцао — сорные травы, годные лишь в пищу скоту и диким животным; сянци — ароматные травы, успокаивающие душу и пробуждающие чувство прекрасного в сердце.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Но наиболее примечателен и чудесен шестой вид — линцао, духовные травы, поглотившие энергию ци из природного мира и преобразовавшие ее в целебный эликсир. Способы распознать такие травы и применить их известны лишь заклинателям-сянь, которые возвращают Золотое ядро с помощью как внутреннего, так и внешнего совершенствования...»*

Ючжэнь со вздохом отложил свиток и потер уставшие глаза. Опять он засиделся до ши Змеи**... Скоро начнутся занятия с мастером-травником, опаздывать нельзя, а он мало того что схватился за трактат сразу, как проснулся, так еще и завтрак пропустил! Но как оторваться от чтения? Ведь каждый раз он надеялся, что именно в этом свитке найдет что-то об исцелении любой болезни.

Десять лет назад, когда вслед за отцом умерла и мать, маленький Ючжэнь укрепился в мысли, что должен стать даосом, монахом, способным исцелять молитвами богам и искусным врачеванием; он видел это единственным путем к счастью своей семьи — единственным залогом того, что никто больше не умрет. Сейчас, уже достигнув возраста совершеннолетия, он считался одним из лучших учеников монастыря Тяньбаожэнь, знал наизусть «Дао Дэ Цзин»*** и еще несколько священных книг и даже получил недавно первый ранг, собственную заколку-гуань в виде пера божественного Феникса и официальное дозволение носить небесно-голубую накидку с красным кантом. Братья и наставники могли по праву гордиться Ючжэнем, однако сам юный монах не был столь доволен собой — он так и не сумел найти лекарство, способное исцелить любую болезнь.

Боги отвечали на молитвы только избранным, вроде святых отшельников, лишь раз в году выходящих из медитации и возвращающихся

* Выдержка из трактата о лекарственных травах, который читает Ючжэнь, основана на информации из «Трактата Шэнь-нуна о корнях и травах», написание которого приписывают Шэнь-нуну (он же Янь-ди) — покровителю земледелия и медицины в китайской мифологии. Его называют также Яован — «царь лекарств».

** Змея — шестой ши, время с 09:00 до 11:00.

*** «Дао Дэ Цзин» («Книга пути и добродетели») — основополагающий источник учения даосизма и один из выдающихся памятников китайской мысли. Традиционно автором книги считается Лао-цзы (VI–V вв. до н. э.).

в монастырь поделиться мудростью с остальными, а о наиболее сильных из возможных трав, тех самых линцао, не было известно почти ничего. Заклинатели и в мирные древние дни не склонны были делиться своими знаниями с простыми людьми, а после Сошествия гор и вовсе замкнулись, не позволяя себе лишнего.

Если бы Ючжэнь только мог научиться распознавать и применять травы как они, соединять молитвы и искусство траволечения с умением изготавливать целебные эликсиры!..

Само собой, Ючжэнь не собирался сидеть у пня и ждать кролика*, но порой сердце заходило от осознания невозможности просто взять и совершить хоть какое-нибудь завалющее чудо и хотя бы раз одержать победу над несчастьем.

Впрочем, не беда. Ючжэнь решительно потрянул головой, отгоняя печальные мысли. Впереди, несмотря ни на что, был чудесный весенний день, а на кухне наверняка ждала пара лепешек — пусть он и пропустил завтрак, брат Вэньхоу, хранитель трапезы, всегда привечал усердного и приветливого юношу. Ючжэнь не умел долго отчаиваться — счастливый дар Небес для того, на чью долю с рождения выпало немало испытаний.

Уже покинув кухню, по дороге к учебным комнатам молодой даос заметил необычайное, даже тревожное оживление у храма. Монахи высоких рангов, мастера боевых искусств, наставники, среди которых Ючжэнь с удивлением увидел и мастера-травника, собрались небольшими группами, что-то обсуждая вполголоса и косясь на высокие храмовые двери. Не в силах сдержаться любопытство, Ючжэнь приблизился и, почтительно поклонившись, спросил:

— Уважаемый лаоши**, могу я узнать, что случилось? И состоится ли сегодня занятия?

* Крылатое выражение-чэньюй: ждать возможности, не прикладывая усилий; слепо довериться удаче, вместо того чтобы работать.

** Обращение к мудрому наставнику, который учит словесной и духовной мудрости, принцип учения «делай подобно мне» (в отличие от учителя боевых искусств — шифу, который учит «делай, как я тебе покажу»).

— А, дицзы* Ючжэнь. — Мастер-травник суетливо подтянул пояс одеяния. — Пока неясно, настоятель велел всем, кроме учеников, собраться в храме. Боюсь, урок придется отложить. Ох, только бы не война...

— Понимаю, лаоши, не волнуйтесь, подожду, сколько нужно. — Ючжэнь снова поклонился и отступил за куст белой акации. Укрывшись среди цветочных гроздьев, он твердо решил дожидаться новостей.

Примерно через кэ на пороге храма показался настоятель и пригласил всех внутрь. Когда ступени окончательно опустели, Ючжэнь осторожно приоткрыл дверь и проскользнул в угол. Мысль о том, что он совершает нечто недозволенное, мелькнула и исчезла. «В Небесном ковре случайных нитей не бывает**», если это что-то серьезное, об этом так или иначе узнают все в монастыре», — утешил он свою совесть.

Поразительно, но в центре зала, напротив замерших монахов и наставников, рядом с настоятелем, стоял один из святых отшельников, старец Ло Цзайшэн. В начале весны Ючжэнь уже видел его на празднестве в честь божественных супругов; Ло Цзайшэн посещал его каждый год, остальное время уединенно обитая в глубине священных рощ и беседуя с богами. Должно было произойти что-то воистину неслыханное, чтобы он покинул свое пристанище второй раз за столь короткий срок.

— Почтенный Ло Цзайшэн, — говорил меж тем настоятель, — прошу, поделитесь и с братьями тем, что поведали мне.

— Я не хочу никого пугать и тем более сеять сомнения, — отозвался старец, поглаживая бороду. — Как вы знаете, божественная Луаньяо, дочь Водного Дракона и Огненного Феникса, одарила меня своей милостью еще в юные годы. Я удостоен чести слышать ее несравненное пение, исцеляющее любую душевную тревогу; те мелодии, которые я сумел записать за свою жизнь, без преувеличения стали нефритовыми бусинами в ожерелье нашего собрания духовной музыки. Однако

* Ученик, последователь.

** Немного перефразированное крылатое выражение-чэньюй: «ни одной напрасной нити», то есть относиться к делу, не упуская из виду мелочей.

вот уже три месяца как благодать Луань-няо оставила меня. Не скрою, сначала я решил, что причина во мне — дочь божественных супругов и без того была слишком добра к этому ничтожному монаху, — но на днях меня посетил другой наш брат в уединении и поведал о том, что ему во снах более не является и сам Владыка вод Шуйлун. Брат просил передать вам его слова, не чувствуя в себе духовных сил оставить ради этого священные рощи.

Прежде перешептывавшиеся монахи потрясенно замолчали, а потом вдруг загомонили все разом, да так громко, что настоятель вынужден был подхватить жезл и ударить в маленький бронзовый гонг.

— Прошу тишины, братья! Да, вести тревожные, но впадать в панику нам не к лицу. Со времен Сошествия гор, когда покровители заклинательских кланов покинули своих подопечных, затворившись в Небесных садах, лишь монастыри оставались оплотом присутствия божеств на земле. Смею надеяться, все наши собратья в Жэньго достойно несли эту ношу прошедшие годы и ничем не оскорбили Баожэнь. Однако теперь это повод задуматься, не готовит ли будущее нам новых испытаний. Возможно, мирные времена, какими мы их знали, подошли к концу. Выслушайте мое предложение: необходимо отправить посланцев во все крупные монастыри и выяснить, не случилось ли и у них чего-то подобного; также стоит посетить двор императора — не готовится ли Его Величество Гэньцянь к войне, не угрожает ли кто границам. Обсудите все между собой, но пока тайно, завтра жду вас здесь к началу ши Собаки*. Да пребудет с вами благодать трех путей!**

Все еще переговариваясь, но уже шепотом, монахи потянулись к выходу. Настоятель с отшельником ушли вглубь храма. Укрывшись за колонной, Ючжэнь пропустил всех вперед, тихо вышел следом и поспешил в учебную комнату. Голова гудела от услышанного, и юноша изо всех сил пытался избежать паники по совету настоятеля, цитируя на память раздел об усмирении духа. Это не очень помогало.

Мастер-травник вскоре пришел, но, едва они с Ючжэнем уселись за свитки, явился мальчик-прислужник.

* Собака — одиннадцатый ши, время с 19:00 до 21:00.

** Имеется в виду истинный путь неба, земли и людей.

— Лаоши, прошу прощения, к брату Ючжэню пришли.

— Кто? — порывисто поднялся молодой даос, совсем забыв о правилах, но — странное дело! — наставник даже не одернул его.

— Ваш старший брат, даочжан, господин Си Сяньцзань.

Сяньцзань здесь? Вот так, без предупреждения? Раньше брат всегда сообщал о своем визите заранее, как и Иши... Но так, неожиданно... Что-то случилось!

— Лаоши... — умоляюще начал Ючжэнь. Если тот сказал бы, что сначала необходимо закончить урок и только потом идти к брату, юноша не посмел бы возразить, но внутри все сжималось от тревоги.

— Иди, дицзы Ючжэнь, — махнул рукой мастер. — Надеюсь, с твоей семьей все хорошо.

— Благодарю, лаоши!

За мальчиком Ючжэнь почти бежал, но перед гостевым павильоном замедлил шаг, оправил накидку, даже волосы пригладил: перед старшим не хотелось предстать неряхой; к тому же если и правда что-то случилось, не стоит давать брату еще больше поводов для волнений — ведь, если он поймет, что младший торопился, точно станет беспокоиться.

Сяньцзань неподвижно стоял у перил, глядя в глубину роши. Ючжэнь сразу отметил и соломенную шляпу рядом на скамье, и неприметный ханьфу цвета весенней земли — необычно для старшего, который всегда одевался тщательно, подбирая ткани к погоде и времени года и не забывая о паре украшений. А здесь хоть растрепанным не выглядел, но и волосы скрутил небрежно и заколол лишь простой медной шпилькой. Да и цвет одежд...

— Эргэ, — тихо позвал Ючжэнь.

Сяньцзань вздрогнул, обернулся — и Ючжэнь едва не подавился воздухом. У старшего было спокойное, ничего не выражающее лицо — как и всегда, пожалуй, — но раньше в нем была жизнь. Во всем: в глазах, в строгих губах, в изломе бровей. Теперь ее словно не стало, и сердце Ючжэня сжалось от безотчетного страха.

— Здравствуй, А-Чжэнь, — проговорил Сяньцзань, делая шаг навстречу, и взял брата за плечи. Он долго смотрел на него; вблизи глаза

старшего, обычно ласковые и теплые, напоминали необработанный обсидиан — тот самый, что до сих пор находят в местах, пострадавших от Сошествия гор. Мудрые говорили, что им плачет сама земля, когда-то раненная огнем из глубин и обожженная магией заклинателей.

Боги, да о чем он сейчас думает?

— Как поживаешь, А-Чжэнь? — Сяньцзань опустил руки и отступил, но наваждение не рассеялось.

— Хорошо, эргэ, спасибо. Пройдемся? Возле Пруда Созерцания недавно зацвела магнолия, ты, наверное, не видел еще такого — дерево похоже на облако, в городе таких нет...

— Пойдем куда скажешь.

Они медленно шли по мощеной дорожке; Сяньцзань задавал ожидаемые вопросы об учебе, прочитанных книгах, жизни в монастыре, но мыслями был не здесь — настолько явно, что становилось не грустно, а жутко. У пруда Ючжэнь пригласил брата присесть на резную скамейку под цветущей магнолией; солнечные лучи, проникавшие сквозь крону, бросали на лицо Сяньцзаня нежные цветочные тени, и оно будто смягчилось, казалось уже не таким пугающе неподвижным.

— А-Чжэнь, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Слушаю, эргэ.

— Наш брат Шоуцзю... умер.

— Умер? — глупо повторил Ючжэнь.

Он плохо помнил самого старшего из братьев Си: разница в пятнадцать лет — не шутка, и из дома тот ушел, не дожидаясь совершеннолетия, когда самому Ючжэню едва исполнилось пять; семью потом навещал раз в полгода, не чаще. Когда Ючжэня отдали на обучение в монастырь, встречи стали еще реже, пусть Шоуцзю и бывал в Тяньбаожэнь.

Молодой даос чувствовал сходство с Шоуцзю — пожалуй, большее, чем с остальными братьями, ведь тот тоже выбрал путь постижения мира; кто бы что ни говорил, а между заклинателями и даосами различий было не так уж много. Шоуцзю к тому же, пусть и не отличался разговорчивостью, всегда выказывал готовность выслушать, с уважением относился к мнению Ючжэня и был хорошим

собеседником, когда дело касалось спорных мест в философских трактатах.

И вот теперь он мертв? В это верилось с трудом, но... Ючжэнь с болезненным, стыдливым изумлением понимал, что не чувствует в своем сердце скорби — той скорби, что сжимала его всякий раз, когда монах вспоминал о смерти матери или задумывался о гибели Сяньцзяня либо Иши. Он лихорадочно пытался найти причину: они не были близки? Виделись слишком редко? В нем все же укоренилась мысль о неизбежности, естественности смерти всякого живого существа?

И да, и нет. Горькая правда заключалась в том, что Шоуцзю был для него... чужим. Не тем, ради кого Ючжэнь посвятил себя служению богам и изучению трав. Не той необходимой частью семьи.

Да, Шоуцзю был чужим; для него, но не для Сяньцзяня.

И этому своему брату Ючжэнь обязан был помочь — не только из-за вгрызшегося вдруг в душу чувства вины.

— Сожалею, эргэ, — тихо проговорил он, взяв холодную ладонь брата в свои, и беззвучно прошептал молитву Небесным покровителям. — Все в руках высших сил. Пусть душа Шоуцзю недолго пробудет в круге перерождений и быстрее вернется в мир.

— Наш брат умер, — повторил Сяньцзянь, и что-то дрогнуло в его лице, судорожно дернулись ледяные пальцы. — Ты не понимаешь, А-Чжэнь... Его убили.

Даосское спокойствие Ючжэня, и так подточенное внезапно накатившей виной, все-таки не выдержало. Эмоции нахлынули мгновенно — одной огромной волной, разбивающей волю в щепки.

— Как убили?! — Монах схватил брата уже за обе руки. — Кто? Почему? За что?

— Если бы я только знал, — горько усмехнулся Сяньцзянь. — А-Ши сообщил мне вчера. Все сложно, А-Чжэнь. Тело нашли в саду столыцы с множеством колотых ран... Видно, дагэ скрывал от нас многое — хотя бы то, что никогда не состоял в клане Хань Ин, как мы считали.

— То есть он обманывал тебя? Нас? — Ючжэнь все никак не мог осознать услышанное. В ушах начинало противно звенеть.

— Хотелось бы мне верить, что это не так. Прости, что ворвался к тебе с такими вестями, но А-Ши сейчас в столице, пытается выяснить хоть что-то, а мне, — он замялся, — слишком тяжело было оставаться одному.

— Эргэ... — На памяти Ючжэня Сяньцзань впервые так откровенно говорил о своих чувствах. Монах боялся даже предположить, насколько сильно тот тревожился, если не в силах был удержать маску ответственного и всезнающего старшего брата. «Действительно, как сильно он переживает! Что ты почувствовал бы сам, узнай о смерти эргэ или саньгэ*?» — тут же выговорил себе Ючжэнь, едва удержавшись от того, чтобы закусить губу.

— Надеюсь, мне позволят побыть здесь до завтра, — тихо закончил Сяньцзань. — Здесь даже дышится легче.

— В Тяньбаожэнь всегда рады гостям, — твердо ответил Ючжэнь, окончательно справившись с волнением. — Я прослежу, чтобы тебя разместили со всеми удобствами. И еще, эргэ... ты позволишь вернуться с тобой домой?

— Домой? — Сяньцзань недоуменно моргнул и внезапно впился взглядом в лицо брата — обсидиановые глаза заблестели, словно омытые дождем камни. — Со мной? Зачем? Ты же...

— Следовать Пути можно везде, — сказал Ючжэнь уже мягче. — А я так давно не был дома. Прости за откровенность, эргэ, но мне кажется, там я буду нужнее, чем здесь.

Сяньцзань глубоко вздохнул, словно сбрасывая с плеч тяжелый груз, и вдруг обнял монаха, прижав его к себе так крепко, будто тот в любое время мог раствориться в полуденных тенях:

— Спасибо, А-Чжэнь...

И Ючжэнь уже точно знал, что скажет мастеру-травнику и самому настоятелю, чтобы те отпустили его с братом. В конце концов, облегчить боль потери близкому человеку — задача ничуть не менее достойная, чем избегание мирских соблазнов в стенах монастыря. А странности с богами, о которых он услышал сегодня, подождут. Он нужен своей семье.

* Обращение младшего к третьему по старшинству старшему брату, в данном случае Ючжэня к Иши.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

